

БОРИС ЖИТКОВ

ЧИТАЕМ САМИ

БОРИС ЖИТКОВ

ЛУДЯ

РАССКАЗ

Рисунки В. Дроздова

*Санкт-Петербург
Республиканское издательство
детской и юношеской литературы
«ЛИЦЕЙ»
1992*

Цифровка
dominas
2017

Р 2
Ж 69

Ж $\frac{4803010201-008}{M101(03)-92}$ 02-92

ISBN 5-08-000144-5

© Дроздов В. Рисунки. 1992

еперь я большой, а тогда мы с сестрой были ещё маленькие.

Вот раз приходит к отцу какой-то важный гражданин. Страшно важный. Особенно шуба. Мы подглядывали в щёлку, пока он в прихожей раздевался. Как распахнул шубу, а там жёлтый пушистый мех и по меху всё хвостики, хвостики. Черноватенькие хвостики. Как будто из меха растут. Отец раскрыл в столовую двери: — Пожалуйста, прошу.

Важный — весь в чёрном и сапоги начищены. Прошёл, и двери заперли.

Мы выкралась из своей комнаты, подошли на цыпочках к вешалке и гладим шубу. Щупаем хвостики. В это время приходит Яшка, соседний мальчишка, рыжий. Как был: в валенках впёрся и в башлыке.

— Вы что делаете?

Таня держит хвостик и спрашивает тихо:

— А как по-твоему: растёт так из меху хвостик или потом приделано?

А Рыжий орёт, как во дворе:

— А чего? Возьми да попробуй.

Таня говорит:

— Тише, дурак, там один важный пришёл.

Рыжий не унимается:

— А что такое? Говорить нельзя? Я не ругаюсь. С валенок снег не сбил и следит мокрым.

— Возьми да потяни, и будет видать. Дура какая! Видать бабу... Вот он — так сейчас, — и Рыжий кивнул мне и мигнул лихо.

Я сказал:

— Ну да, баба, — и дёрнул за хвостик. Не очень сильно потянул: только начал. А хвостик — пак, и оторвался.

Танька ахнула и руки сложила. А Рыжий стал кричать:

— Оторвал! Оторвал!

Я стал совать скорей этот хвостик назад в мех: думал, как-нибудь да пристанет. Он упал и лёг на пол. Такой пушистенький лежит. Я схватил его, и мы все побежали к нам в комнату. Танька говорит:

— Я пойду к маме, реветь буду — ничего, может, и не будет.

Я говорю:

— Дура, не смей. Не говори. Никому не смей.

Рыжий смеётся, проклятый. Я сую хвостик ему в руку:

— Возьми, возьми, ты же говорил...

Он руку отдёнул:

— Что ж, что говорил! А рвал-то не я! Мне какое дело?

Подтёр варежкой нос и в двери.

Я Таньке говорю:

— Не смей реветь, не смей, а то сейчас спрашивать начнут, и всё пропало.

Она говорит и вот-вот заревёт:

— Пойдём, посмотрим, может быть, незаметно. Вдруг незаметно?

Я держал хвостик в кулаке. Мы пошли к вешалке. И вот все ровно-ровно идут хвостики, довольно густовато, а тут пропуск, пусто. Видно, сразу видно, что не хватает.

Я вдруг говорю:

— Я знаю: приклеим.

А клей у папы на письменном столе, и если будешь брать, то непременно спросят: зачем? А потом там в кабинете сидит этот важный, и входить нельзя.

Танька говорит:

— Запрячем, лучше запрячем, только скорей. Подальше. В игрушки.

У Таньки были куклы, кукольные кровати. Нет, туда нельзя. И я засунул хвостик в поломанный паровоз, в середину.

Мы взялись за кукол и очень примерно играли в гости, как будто бы на нас всё время кто смотрит, а мы показываем, как мы хорошо играем.

В это время слышим голоса. Важный гудит басом. И вот уж они в прихожей, и горничная Фрося затопала мимо и говорит скоренько:

— Сейчас, сейчас шубу подам.

Мы так с куклами и замерли, еле руками шевелим.

Таня дрожит и бормочет за куклу:

— Здравствуйте. Как вы поживаете? Сколько вам лет? Как вы поживаете? Сколько вам лет?

Вдруг дверь к нам отворяется: отец распахнул.

— А вот это, — говорит, — мои сорванцы.

Важный стоит в дверях, чёрная борода круглая, мелким барашком, и улыбается толстым лицом:

— А, молодое поколение!

Ну, как все говорят.

А за ним стоит Фроська и держит шубу нараспашку. Отец нахмурился, мотнул нам головой. Танька сделала кривой реверанс, а я что было силы шаркнул ножкой.

— Играете? — сказал важный и вступил в комнату. Присел на корточки, взял куклу. И я вижу, в дверях дура Фроська стоит и растянула шубу, как будто нарочно распялила и показывает. И это пустое место без хвостика так и светит. Важный взял куклу и спрашивает:

— А эту барышню как же зовут?

Мы оба крикнули в один голос:

— Варя!

Важный засмеялся:

— Дружно живёте.

И видит вдруг у Таньки слёзы на глазах.

— Ничего, ничего, — говорит, — я не испорчу.

И скорее подал пальчиками куклу. Поднялся и потрепал Таню по спине. Он пошёл прямо к шубе, но смотрел на отца и не глядя стал попадать в рукава. Запахнул шубу; Фроська подсовывает глубокие калоши.

Не может быть, чтобы отец не заметил. Но отец очень весёлый вошёл к нам и сказал смеясь:

— Зачем же конём таким?

И представил, как я шаркнул.

В тот день мы с Танькой про хвостик не говорили. Только когда пили вечером чай, то всё переглядывались через стол, и оба знали, что про хвостик Я даже раз, когда никто не глядел, обвёл пальцем на скатерти, как будто хвостик. Танька видела и сейчас же уткнулась в чашку.

Потом мне стало весело. Я поймал Ребика, нашу собаку, зажал ему хвост в кулак, чтоб из руки торчал только кончик, и показал Таньке. Она замахала руками и убежала.

На другой день, как проснулся, вспомнил сейчас же хвостик. И стало страшно: а ну как важный только для важности в гостях и не глядит даже на шубу, а дома-то небось каждый хвостик переглаживает? Даже, наверно, наизусть знает, сколько их счётом. Гладит и считает: раз, два, три, четыре... Вскочил с постели, подбежал к Таньке и шепчу ей под одеяло в самое ухо:

— Он, наверное, дома пересчитает хвостики и узнает. И пришлёт сюда человека с письмом. А то сам приедет.

Танька вскочила и шепчет:

— Чего ж там считать, и так видно: вот такая пустота. — И обвела пальцем в воздухе большой круг.

Мы на весь день притихли и от каждого звонка прятались в детскую и у дверей слушали: кто это, не за хвостиком ли?

Несколько дней мы так боялись.

А потом я говорю Таньке:

— Давай посмотрим.

Как раз никого в квартире не было, кроме Фроськи. Заперли двери, и я тихонько вытянул из паровоза хвостик. Я и забыл, какой он хорошенький, пушистенный.

Таня положила его к себе на колени и гладит.

— Пудя какой, — говорит. — Это собачка кукольная.

И верно. Хвостик в паровозе загнулся, и совсем будто собачка свернулась и лежит с пушистым хвостом.

Мы сейчас же положили его на кукольный диван, примерили. Ну, замечательно!

Танька закричала:

— Брысь, брысь, сейчас! Не место собакам на диване валяться! — И скинула Пудю. А я его Варьке на кровать.

А Танька:

— Кыш, кыш! Вон, Пудька! Блох напустишь...

Потом посадили Пудю Варьке на колени и любовались издали: совсем девочка с собачкой. Я сейчас же сделал Пуде из тесёмочки ошейник, и получилось совсем как мордочка. За ошейник привязали Пудю на верёвочку и к Варькиной руке. И Варьку водили по полу гулять с собачкой.

Танька кричала:

— Пудька, тубо!

Я сказал, что склею из бумажек Пуде намордничек.

У нас была большая коробка от гильз. Сделали в ней дырку, Танька намостила тряпок, и туда посадили

Пудю, как в будку. Когда папа позвонил, мы спрятали коробку в игрушки. Забросали всяким хламом.

Приходил к нам Яшка Рыжий, и мы клали Пудю Ребику на спину и возили по комнате — играли в цирк. А раз, когда Рыжий уходил, он нарочно при всех стал в сенях чмокать и звать:

— Пудя! Пудька! — И хлопал себя по валенку.

Прибежал Ребик, а Яшка при папе нарочно кричит:

— Да не тебя, дурак, а Пудю. Пудька! Пудька! Папа нахмурился:

— Какой ещё Пудька там? — И осматривается.

Я сделал Яшке рожу, чтобы уходил. А он мигнул и язык высунул. Ушёл всё-таки.

Мы с Таней сговорились, что с таким доносчиком не будем играть и водиться не будем. Пусть придет — мы в своей комнате закрёмся и не пустим. Я забил сейчас же гвоздь в притолоку, чтобы завязывать верёвкой ручку. Я завязал, а Таня попробовала из прихожей. Здорово держит. Потом Танька запиралась, а я ломился: никак не открыть. Как на замке. Родовались, ждали — пусть только Рыжий придёт.

Я Пуде ниточкой замотал около кончика, чтобы хвостик отделялся. Мы с Таней думали, как сделать ножки, — тогда совсем будет живой.

А Рыжий на другой же день пришёл. Танька прибежала в комнату и шёпотом кричит:

— Пришёл! Пришёл!

Мы вдвоём дверь захлопнули, как из пушки, и сейчас же на верёвочку.

Вот он идёт... Толкнулся... Ага! Не тут-то было. Он опять.

— Эй, пустите, чего вы?

Мы нарочно молчим. Он давай кулаками дубасить в дверь:

— Отворяй, Танька!

И так стал орать, что пришла мама.

— Что у вас тут такое?

Рыжий говорит:

— Не пускают, черти.

— А коли черти, — говорит мама, — так зачем же ты к чертям ломишься?

— А мне и не их вовсе надо, — говорит Рыжий, — я Пудю хочу посмотреть.

— Что? — мама спрашивает. — Пудю? Какого такого?

Я стал скорей отматывать верёвку и раскрыл дверь.

— Ничего, — кричу, — мама, это мы так играем. Мы в Пудю играем. У нас игра, мама, такая...

— Так орать-то на весь дом зачем? — И ушла.

Рыжий говорит:

— А, вы, дьяволы, вот как? Запираться? А я вот сейчас пойду всем расскажу, что вы хвостик оторвали. Человек пришёл к отцу в гости. Может, даже по делу какому. Повесил шубу, как у людей, а они рвать, как собаки. Воры!

— А кто говорил: «Дёрни, дёрни»?

— Никто ничего и не говорил вовсе, а если каждый раз по хвостику да по хвостику, так всю шубу выщипаете.

Танька чуть не ревёт.

— Тише, — говорит, — Яша, тише.

— Чего тише, — кричит Рыжий, — чего мне тише? Я не вор. Пойду и скажу.

Я схватил его за рукав.

— Яша, — говорю, — я тебе паровоз дам. Это ничего, что крышка отстала. Он ходит полным ходом, ты же знаешь.

— Всякий хлам мне суёшь, — заворчал Рыжий.

Но хорошо, что кричать-то перестал. Потом поднял с пола паровоз.

— Колесо, — говорит, — проволокой замотал и тычешь мне.

Посопел, посопел.

— С вагоном, — говорит, — возьму, а так — на черта мне этот лом.

Я ему в бумагу замотал и паровоз и вагон, и он сейчас же ушёл через кухню, а в дверях обернулся и крикнул:

— Всё равно скажу, хвостодёры!

Потом мы с Таней гладили Пудю и положили его спать с Варькой под одеяло. Танька говорит:

— Чтоб ему теплей было.

Я сказал Таньке, что Рыжий всё равно обещал сказать. И мы всё думали: как нам сделать? И вот что выдумали.

Самое лучшее попасть бы в такое время, когда папа будет весёлый, — после обеда, что ли. Положить Пудю на платочек, на носовой, взять за четыре конца и войти в столовую каким-нибудь смешным вывертом. И петь что-нибудь смешное при этом. Как-нибудь:

Пудю несем
Пахнем гусем

И ещё там что-нибудь.

Все засмеются, а мы ещё больше запоём и к папе. Папа: «Что это вы, дураки?» — и засмеётся. А тут мы как-нибудь кривульно расскажем, и всё сойдёт. Папе, наверно, даже жалко будет отбирать от нас Пудю.

Или вот ещё: на Ребика положим и вывезем. И тоже смешное будем петь. Рыжий придёт ябедничать, а все уж и без него знают, и ничего не было. Запрёмся, как тогда, и пускай скандалит. Мама его за ухо выведет, вот и всё.

Я ещё в кровати думал, что я устрою Яшке Рыжему.

Утром мы все пили чай. Вдруг вбегают Ребик, рычит и что-то в зубах треплет.

Папа бросился к нему:

— Опять что-нибудь! Тубо, тубо! Дай сюда! А я сразу понял — что, и в животе похолодело.

Папа держит замусоленный хвостик и, нахмурился, говорит:

— Что это? Откуда такое?

Мама поспешила, взяла осторожно пальчиками. Ребик визжит, подскакивает, хочет схватить.

— Тубо! — крикнул папа и толкнул Ребика ногой. Понесли к окну и вдруг мама говорит:

— Это хвостик. Это от шубы.

Папа вдруг как будто задохнулся сразу и как крикнет:

— Это чёрт знает что такое!..

Я вздрогнул. А Танька всхлипнула — она с булкой во рту сидела. Папа затопал к Ребику.

— Эту собаку убить надо. Это дьявол какой-то.

Ребик под диван забился.

— Раз уж пришлось за штаны платить... Ах ты дрянь эдакая! Теперь шубы, за шубы взялся.

И папа вытянул за ошейник Ребика из-под дивана. Ребик выл и корчился. Знал, что сейчас будут бить. Танька стала реветь в голос. А отец кричит мне:

— Принеси ремень! Моментально!

Я бросился со стула, совался по комнатам.

— Моментально! — заорал отец на всю квартиру злым голосом. — Да свой сними, болван. Живо!

Я снял пояс и подал отцу. И папа стал изо всей силы драть ремнём Ребика. Танька выбежала. Папа тычет Ребика носом в хвостик — он на полу валялся. И бьёт, бьёт:

— Шубы рвать. Шубы рвать. Я те дам шубы рвать.

Я даже не слышал, что ещё там папа говорил, — так орал Ребик, будто с него с живого шкуру сдирают. Я думал, вот умрёт сейчас. Фроська в дверях стояла, ахала.

Мама только вскрикивала

— Оставь! Убьёшь! Николай, убьёшь! — Но сунуться боялась.

— Верёвку! — крикнул папа. — Афросинья, верёвку!

— Не надо, не надо, — говорит Фроська.

Папа как крикнет:

— Моментально!

Фроська бросилась и принесла бельевую верёвку.

Я думал, что папа сейчас станет душить Ребика верёвкой. Но папа потащил его к окну и привязал за ошейник к оконной задвижке. Потом поднял хвостик, привязал его на шнурок от штор и перекинул через оконную ручку.

— Пусть видит, дрянь, за что драли. Не кормить, не отвязывать.

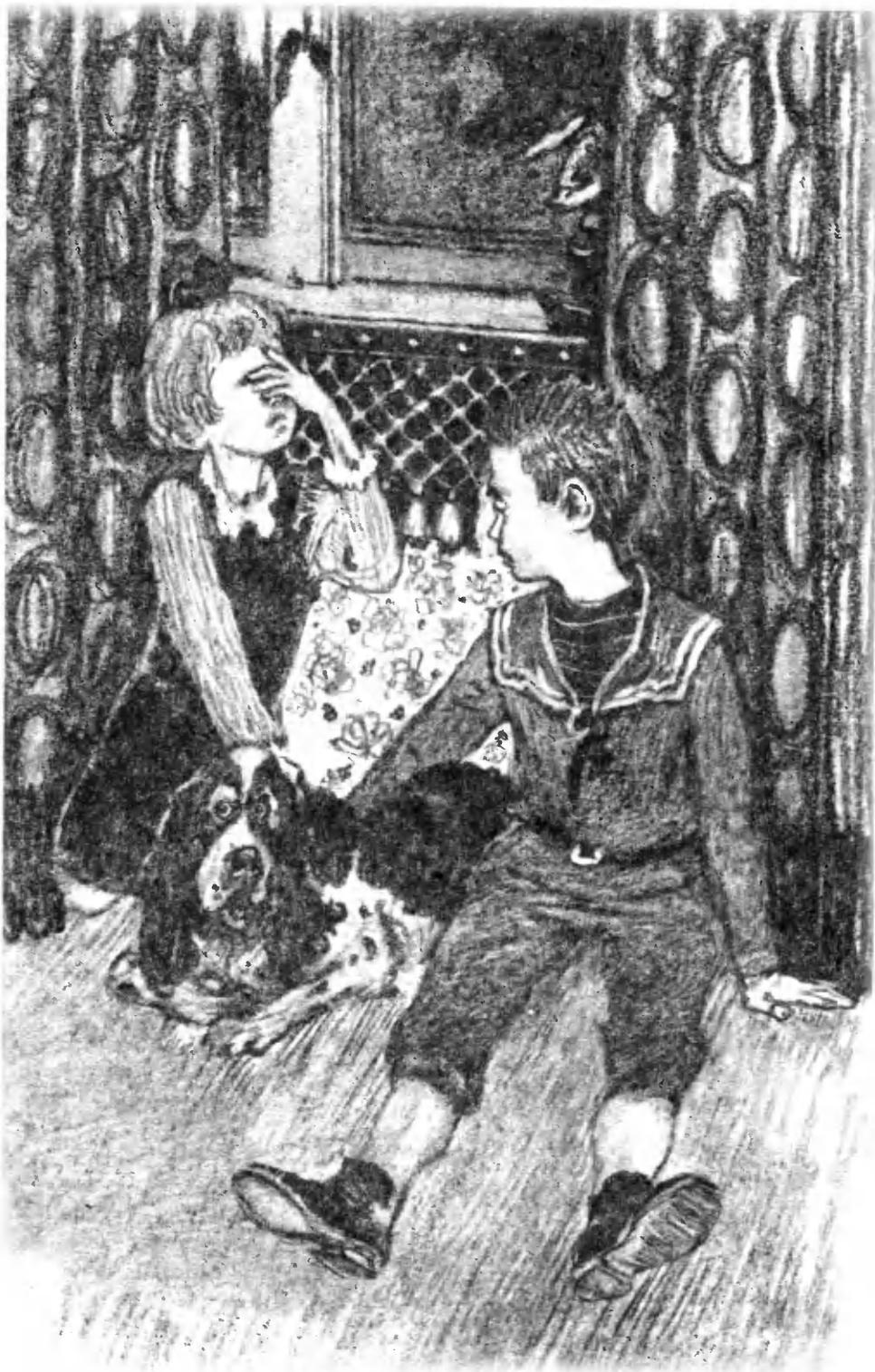
Папа был весь красный и запыхался.

— Эту дрянь нельзя в доме держать. Собачникам отдам сегодня же. — И пошёл мыть руки. Глянул на часы: — А, чёрт! Как я опоздал! — И побежал в прихожую.

Пудю Ребик всего заслюнявил, он был мокрый и взъерошенный, и как раз поперёк живота туго перехватил его папа шнурком. Он висел вниз головой, потому что видно было сверху перехват хвостика, который я там намотал из ниток. Если б отец тогда хорошенько разглядел, так увидал бы всё и догадался бы, что всё это не без нас. Да и теперь всё равно могут увидеть. Как станут важному назад отсылать хвостик, начнут его чистить — вдруг нитки.

— Откуда нитки?

А уж Ребика всё равно побили... Я сказал Таньке, чтоб украла у мамы маленькие ногтяные ножнички, улучил время, влез на подоконник и тихонько ножничками обрезал нитки. Всё-таки осталось вроде шейки, и я распушил там шерсть, чтоб ничего не было заметно.

Ребик подвывал, подрагивал и всё лизал задние лапы. Мы с Танькой сели к нему на пол и всё его ласкали. Танька приговаривает:

— Ребинька, маленький, били тебя. Бедная моя собака.

Стала реветь. И я потом заревел.

— Отдадут, — говорю, — собачникам. Папа сказал, что отдаст. На живодёрню.

И представилось, как придёт собачник, накинет Ребичке петлю на шею и потянет. Как ни упирайся, всё равно потянет. А потом так на петле с размаху — брык в фургон со всей силы. А там на живодёрне будут резать. Для чего-то там живых режут, мне говорили.

Потом мы у Фроськи выпросили мяса, Танька под юбкой мимо мамы пронесла — и скормила Ребику. А зачем ему есть? Ведь так только, всё равно на живодёрню.

И мы с Танькой говорили:

— Мы за тебя просить будем, мы на коленки станем и будем плакать, чтоб папа не отдавал.

И это всё потому, что Танька выдумала к Варьке подложить Пудю. А Варькина кровать стояла на полу, в углу, на бумажном коврикe. Вот Ребик и нанюхал Пудю.

Принесли мы ему пить. Он лакнул два раза и бросил. Танька заревела:

— Он чует, чует!

А я стал ей про живодёрню рассказывать. Я сам не знал, а так прямо говорю:

— Двое держат, а один режет. — И показал на Ребике рукой, как режут

Танька залилась.

— Я скажу, я скажу, что мы Скажем. Хоть на коленки станем, а скажем.

И всё ревет, ревет... Я сказал:

— Скажем, скажем. Только чтоб Ребика не отдавали. Не дадим.

И мы так схватились за Ребика, что он взвизгнул.

А время обеда приближалось, и вот уж скоро должен прийти папа со службы. Мама вернулась из города с покупками.

— Не сидите на грязном полу И не возитесь с собакой — блох напустит.

Мы встали и уселись на подоконнике над Ребичкой и всё смотрели на дверь в прихожую. Решили, как папа придёт, сейчас же просить, а то потом не выйдет. Таньку послали мыть заплаканную морду Она скоро: раз-два, и сейчас же прибежала и села на место. Я тихонько гладил Ребика ногой, а Танька не доставала. На стол уже накрыли, свет зажгли и шторы спустили. Только на нашем окне оставили: на шнурке папа повесил Пудю, и никто не смел тронуть.

Позвонили. Мы знали, что папа. У меня сердце забилось Я говорю Таньке:

— Как войдёт, сейчас же на пол, на колени, и будем говорить Только вместе, смотри. А не я один. Говори: «Папа, прости Ребика, это мы сделали».

Пока я ее учил, уж слышу голоса в прихожей, очень весёлые, и сейчас же выходит важный, а за ним папа

Важный сделал шаг и стал улыбаться и кланяться. Мама к нему спешила навстречу. Я не знал, как же при важном — и вдруг на колени? И глянул на Таньку. Она моментально прыг с подоконника и сразу

бац на коленки и сейчас же в пол головой, вот как старухи молятся. Я соскочил, но никак не мог стать на колени. Все глядят, папа брови поднял.

Танька одним духом, скороговоркой:

— Папа, прости Ребика, это мы сделали.

И я тогда скорей сказал за ней:

— Это мы сделали.

Все подошли:

— Что, что такое?

А папа улыбается, будто не знает даже, в чём дело.

Танька всё на коленках и говорит скоро-скоро:

— Папочка, миленький, Ребичка миленького, пожалуйста, миленький, миленького Ребичка... Не надо резать

Папа взял её под мышки:

— Встань, встань, дурашка.

А Танька уже ревёт — страшная рёва — и говорит важному:

— Это мы у вас хвостик оторвали, а не Ребик вовсе.

Важный засмеялся и оглядывается себе за спину.

— Разве у меня хвост был? Ну вот спасибо, если оторвали.

— Да видите ли, в чём дело, — говорит папа, и всё очень весело, как при гостях, — собака вдруг притаскивает вот это, — и показывает на Пудю. И стал рассказывать.

Я говорю:

— Это мы, мы.

— Это они собаку выгораживают, — говорит мама.

— Ах, милые! — говорит важный и наклонился к Таньке.

Я говорю:

— Вот ей-богу мы! Я оторвал. Сам.

Отец вдруг нахмурился и постучал пальцем по столу:

— Зачем врёшь и ещё божишься?

— Я даже хвостик ему устроил, я сейчас покажу. Я там нитками замотал.

Сунулся к окну и назад: я вспомнил, что нитки я обрезал

Отец:

— Покажи, покажи. Моментально!

Важный тоже сделал серьёзное лицо. Как хорошо было, всё бы прошло. Теперь из-за ниток этих...

— Яшка, — говорю я, — Яшка Рыжий видел, — и чуть не плачу.

А папа крикнул:

— Без всяких Яшек, пожалуйста. Достать. Моментально!

И показал пальцем на Пудю.

Важный уже повернулся боком и стал смотреть на картину. Руки за спину.

Я полез на окно и рвал и кусал зубами узел. А папа кричал:

— Моментально! — и держал палец. Таньку мама уткнула в юбку, чтоб не ревела на весь дом.

Я снял Пудю и подал папе.

— Простите, — вдруг обернулся важный, — да от моей ли ещё шубы? — И стал вертеть в пальцах Пудю.

— Позвольте, это что же? Что тут за тесёмочки?

— Намордничек! — крикнула Танька из маминой юбки.

— Ну вот и ладно! — крикнул важный, засмеялся и схватил Таньку под мышки и стал кружить по полу:

— Тра-бам-бам! Трум-бум-бум!

— Ну давайте обедать, — сказала мама.

Уж сколько тут рёву было...

— Отвяжи собаку, — сказал папа.

Я отвязал Ребика. Папа взял кусок хлеба и бросил Ребику.

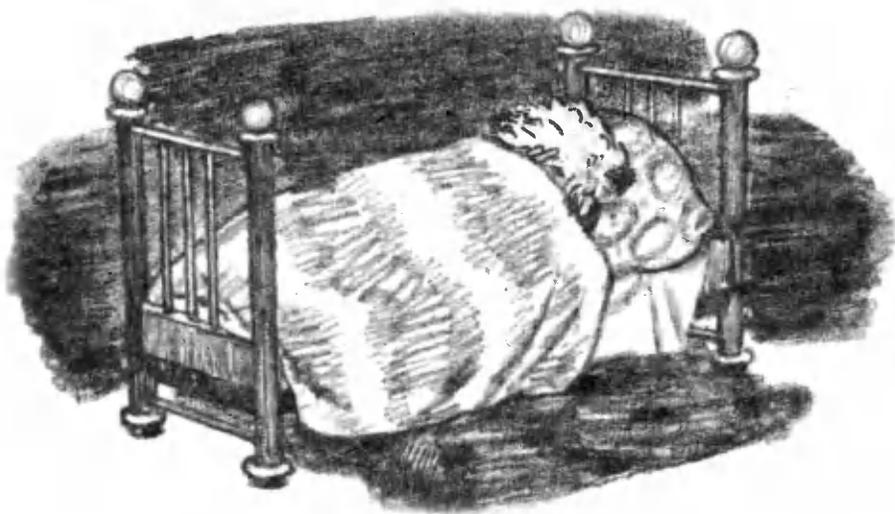
— Пиль!

Но Ребик отскочил, будто в него камнем кинули, поджал хвост и, согнувшись, побежал в кухню.

— Умой поди свою физию, — сказала мама Таньке, и все сели обедать.

Важный Пудю подарил нам. И он у нас долго жил. Я приделал ему ножки из спичек. А Яшке, когда мы играли в снежки, мы с Танькой набили за ворот снегу.

Пусть знает

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

С Борисом Житковым я познакомился в детстве, то есть ещё в 19 веке Мы были одноклассники, учились в одном классе одной и той же Одесской второй гимназии

Мне нравилось, что он живёт в порту, над самым морем, среди кораблей и матросов, что все его дяди — все до одного! — адмиралы, что у него есть собственная лодка, кажется даже под парусом, и не только лодка, но и телескоп на трёх ножках, и скрипка, и чугунные шары для гимнастики, и дрессированный пес

Обо всём этом я знал от счастливых, которым удалось побывать у Житкова, а дрессированного (очень лохматого) пса я видел своими глазами он часто провожал своего хозяина до ворот нашей школы, неся за ним в зубах его скрипку.

...Характер у Житкова был инициативный и властный, и так как его, третьеклассника, уже тогда распирало буквально от множества знаний, умений и сведений, которые наполня-

ли его до краёв, он... жаждал учить, наставлять, объяснять, растолковывать. Именно потому, что я ничего не умел и не знал, я оказался в ту пору драгоценным объектом для приложения его педагогических талантов, тем более что я сразу же смиренно и кротко признал его неограниченное право распоряжаться моей умственной жизнью.

Он учил меня всему: гальванопластике, французскому языку (который знал превосходно), завязыванию узлов по-морскому, распознаванию насекомых и птиц, предсказанию погоды, плаванию, ловле тарантулов... Под его руководством я прочел две книги Тимирязева и книгу Фламариона об устройстве вселенной. У него же я научился отковыривать от биндюгов (то есть длинных телег, запряженных волами) при помощи молотка и стамески старые оловянные бляхи и плавить их в чугунном котелке на костре.

...К тому времени я стал бывать у него в доме и познакомился со всей его семьёй.

Радующие семьи изумляли меня. Оно выражалось не в каких-нибудь слащавых приветствиях, а в щедром и неистощимом хлебосольстве. Приходили к Степану Васильевичу какие-то обтёрханные, молчаливые, пропахшие махоркой явно голодные люди, и их без всяких расспросов усаживали вместе с семьёю за длинный, покрытый клеёнкой стол и кормили тем же, что ела семья (а пища у неё была простая, без гурманских причуд: каша, жареная скумбрия, вареная говядина).

Кроме литературы в семье Житковых любили математику, астрономию, физику. Смутно вспоминаю какие-то электроприборы в кабинете у Степана Васильевича...

Мать Житкова была пианистка. Маленькая, худощавая женщина, преданная музыке до страсти. Почти всегда, подходя к дому, где жили Житковы, я ещё издали слышал очень громкие звуки её экзерсисов, наполнявшие собою весь дом.

.. Раньше я никогда не видел подобной семьи и лишь потом, через несколько лет, убедился, что в сущности, то была очень типичная русская интеллигентная трудовая семья того времени, каких было немало в столицах и больших городах — в Саратове, в Киеве, в Нижнем, в Казани, — щепетильно честная, чуждая какой бы то ни было фальши, строгая ко всякой неправде. В ней не было ни тени того, что тогда называлось мещанством, и этим она была непохожа на все прочие семьи, которые довелось мне в ту пору узнать.

ЧИТАЕМ САМИ

*Литературно художественное издание
Для начальной школы*

Борис Степанович Житков

ПУДЯ

Ответственный редактор Е М Стрельцова
Художественный редактор С Б Борин
Технический редактор Л Б Куприянова
Корректор Т Г Янина

ИБ 13482

Сдано в набор 03.06.91 Подписано к печати 28.11.91 Формат 70×100^{1/16} Бумага типографская Шрифт литературный Печать офсетная Усл. печ. л. 2,6 Усл. кр. отт. 6,5 Уч. изд. л. 2,26 Тираж 2000000 экз. Заказ № 853 Цена 1 руб. Республиканское издательство детской и юношеской литературы «Лицей» Министерства печати и массовой информации РСФСР 191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова 6 Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР 193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7

Житков Б. С

Ж 69 Пудя Рассказ/Рис В Дроздова — СПб «Лицей», 1992 — 31 с., ил («Читаем сами»)

ISBN 5—08—000144—5

Рассказ о том, как трудно преодолевается малодушие

1200

1 руб.

Республиканское
издательство
«ЛИЦЕЙ»